

СЧАСТЬЯ ВАМ, УДАЧИ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ОРГАН КОЛЛЕКТИВА
ЯРОСЛАВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Ярославский УНИВЕРСИТЕТ

Издается с 1986 года

№ 22 (252—253)

27 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА

Выходит один
раз в 2 недели

Цена 2 коп.

Г. ДЕРЖАВИН НА НОВЫЙ ГОД

Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Вагрюной облещи зарею,
Сопел на землю Новый год;
Сопел — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
Навстречу божеству сему.

Гряди, сны вечности
прекрасный!
Гряди, часов и дней отец!
Зовет счастливый и
несчастный:
Подай желаньям венок!

И самого среди блаженства
Желанья блага совершенства,
И недовольны ми судьбой.
Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнее хочет быть;
Богач богатством осмынаться
И горы злата накопить;
Герой бессмертной жаждет
славы,
Корысти — льстец, Лукулл —
забавы
И счастья — игрок в игре.

Мое желание: предаться
Всевышнего во всем судьбе,
За счастьем в свете
не гоняться,
Искать его в самом себе.
Меня здоровье, совесть
права,
Достаток нужный, добра
слава
Творят счастливее царей.

А если милой и приятной
Любим Пленирой я моей
И в светской жизни
коловоротной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в
мире.

Умею петь, играть на лире, —
То кто счастливее меня?
От должностей в часы
свободны
Пою моих я радость дней,
Пою творцу хвалы духовны
И добрых я пою царей.
Приятней гласы становятся,
И слезы нежности катятся,
Как россов мать я пою.

Петры, и Генрихи, и Титы
В народных век живут
сердцах
Екатерины не забыты
Пребудут в тысящи веках.
Уже я вижу монументы,
Которых дзергнуть элементы
И время не имеют сил.

Конец 1780, или начало 1781.

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ

На что мы живем?

Нормальный средний студент Ярославского государственного университета получает в месяц от 120 до 150 рублей стипендии плюс 30 рублей на питание из университетских фондов. Психологическая служба студенческого центра «МОСТ» провела анкетирование 100 студентов разных курсов с целью выяснить: как живет студент на такие деньги? Первый вопрос звучал так: на что вам хватает вашей стипендии?

а) только на питание и мелкие покупки — 16 процентов,
б) едва хватает на питание — 60 процентов,
в) не хватает даже на питание — 24 процента.
Человеку, кроме еды нужно

что-то еще, и если денег не хватает даже на еду, то где же взять на удовлетворение других нужд?

а) Помогают родители или другие родственники — 90 процентов,
б) работа, совмещаемая с учебной — 6 процентов,

в) коммерческая деятельность (перепродажа, спекуляция, участие в денежных операциях) — 0 процентов, (коммерсанты поскромничали — ред.)
г) другие источники — 3 процента,
д) только стипендия — 1 процент.

Сидеть на маминой щеке стыдно, а потому следующий

вопрос такой: считает ли студент, что необходимо создавать на базе университета различные малые предприятия, кооперативы и арендные объединения, чтобы он мог зарабатывать там деньги?

а) Необходимо — 92 процента,
б) не нужно — 6 процентов,
в) безразлично — 2 процента.

Будете ли вы сами участвовать в такой деятельности?

а) Будут — 88 процентов,
б) не будут — 10 процентов,
в) не знают — 2 процента.

Ответы на эти два вопроса показывают, что практически каждый считает необходимым развивать производственную деятельность на базе универ-

ситета и готов участвовать в ней лично, хотя тех, кто лично все-таки чуть-чуть, но меньше.

Интересно, а как оценивают студенты деятельность администрации университета по социальной защите студента?

а) Отлично — 0 процентов,
б) хорошо — 0 процентов,
в) удовлетворительно — 1 процент,
г) плохо — 36 процентов,
д) куда не годится — 61 процент.
2 человека отвечают на такой вопрос не стали.

Лишь один вопрос вызвал у опрошиваемых абсолютное единодушие, когда у них спросили: каковы будут предложения? Все 100 процентов предложили увеличить стипендию. Ответ говорит сам за себя: работа — хорошо, а учеба — лучше, и деньги студент должен в первую очередь получать за учебу. ПОМОГИТЕ!!!

Семестр в Кассельском университете

Четвертый семестр я учился по обмену на экономическом факультете университета в городе Кассель. Такой обмен был впервые. Поездка была незабываемой. Особое впечатление произвели сам город и его жители. Кассель является современным экономическим и культурным центром северной земли Иссен. Численность населения города составляет 200 тыс человек. Город привлекает внимание множества туристов своими достопримечательностями. Всемирно известен горный парк Касселя Вильгельмскет, где находится символ города — скульптура Геркулеса. Парк Вильгельмскет — прекрасное место отдыха для людей всех возрастов. Раз в году в этом парке происходит большой праздник с фейерверком. Другими местами для проведения свободного времени являются река Фульда, озеро Буга, парк Карлсауэ, лечебные термы, городской театр, музеи и другие достопримечательности.

Кассельский университет является самым молодым из пяти университетов земли Иссен. Он открылся в 1971 году. В 1986 году число обучающихся достигло 10 тысяч. Обучение ведется по 22 специальностям: экономике, педагогике, философии, архитектуре и другим. Университет организует многочисленные мероприятия не только для студентов вуза, но и для вольнослушателей, которые могут принимать участие в лекциях и семинарах. Малообеспеченным студентам предоставляется стипендия. Нуждающиеся получают общежитие. В университете обучаются студенты из многих стран мира.

Очень прогрессивной оказалась мне система обучения в университете. Все дисциплины можно разделить на обязательные и свободные. Немецкий студент вправе из числа свободных предметов выбрать наиболее его интересующие. Студент свободен в выборе преподавателя. Кроме того, расписание учебных занятий (от 8.00 до 20.00) позволяет каждому обучающемуся в вузе выбрать удобное для себя время, что очень важно для немцев, поскольку многие в свободное от учебы время работают. Немецкие студенты намного самостоятельнее, чем советские. Как правило, они живут отдельно от родителей, снимая комнату или квартиру в частном секторе. Ни о каком обязательном посещении семинаров и, тем более, лекций вопрос не стоит. Прекрасные лекционные залы, богатая университетская библиотека, студенческая столовая, которую нельзя сравнить с нашей студенческой столовой, и другие возможности находятся в распоряжении студентов университета в Касселе.

Со студентами и выпускниками университета которые планируют поехать учиться в университет города Кассель, хотелось бы поделиться некоторым личным опытом. Основной трудностью, которая может возникнуть, является недостаточное знание немецкого языка. Знания языка, получаемые в школе и за 2 года в вузе, недостаточны для того, чтобы сразу включиться в учебный процесс. Необходимы дополнительные подготовка, языковая практика. Хотелось бы развития таких связей и в дальнейшем. Они приносят большую пользу и развивают кругозор.

Е. АШПАЛОВА,
студентка 3 курса.

ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ СТУДЕНЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА

Русские студенты вспоминают о путче

Августовский путч вызвал больше волнений в Союзных Штатах, чем в Советском Союзе.

Такой вывод мог быть сделан из интервью с двумя студентами Ярославского университета Борисом Тамаровым и Алексеем Яновым.

Янов, житель Ярославля, узнал о путче в 11 часов утра. В те дни он жил в деревне, за пределами Ярославля.

Когда ему сказали, что Горбачев исчез и власть в руках нового правительства, он подумал, что это шутка. Однако позднее правительственное сообщение подтвердило, что это действительно так.

Янов сказал, что был напуган этими событиями, но отметил: «Путч не был столь серьезен для нас. Он не коснулся нас непосредственно. Он повлиял на нас только в сфере идей. Но это была плохая идея».

Борис Тамаров родился в Ярославле. Он сказал: «Все произошло так быстро, что я даже не могу сказать, что я чувствовал. Я думаю, что в первое утро путча я был напуган».

Я знал, что поеду в США как студент Стюингилл колледжа. Один мой друг приехал из Латвии и сообщил, что люди, направлявшиеся за границу, должны были вернуться назад. Я боялся, что нечто подобное случится и со мной, и я не смогу поехать. Если бы путч победил, то не было бы возможности никуда выехать из страны».

Путч ставил актуальные вопросы. Тамаров сказал, что программа путчистов была прогрессивной, единственно, что не понятно, зачем все это было надо облекать в форму путча.

«Они хотели вернуть страну к прошлому. Они хотели иметь власть в своих руках».

Но за прошедшие 4 года у нас было больше свободы, чем когда-либо. Мы стали более свободны и не хотели терять эту свободу. Люди считали, что так лучше для народа, не для отдельного человека, а для всех, для всей нации».

«Вернуть историю вспять они хотели еще десять лет назад. Это было трудное время, так как мы не имели связи с остальным миром. Мы были одиноки в мире. Это было очень плохо для нашей страны».

Но сейчас наша страна окружена большим количеством друзей. И главная причина тому — перестройка».

На вопрос: «Надеялись ли

вы, что другие страны помешают успеху путча или нет? Тамаров ответил: «Я думаю русские — великая нация, и мы можем сделать все сами. Но если бы остальной мир помог нам, мы бы могли сделать все лучше и быстрее».

Янов: «Этот путч непосредственно коснулся лишь жителей Москвы и Ленинграда. Только в столицах республик европейской части страны были передвижения воинских подразделений».

Тамаров: «Если бы путч продлился еще некоторое время, мы бы столкнулись с тем, что значительно большее количество людей выступили бы с оружием против армии».

Янов: «Но если бы в стране начались вооруженные столкновения, то это была бы война армии против народа. И в такие люди взяли бы в руки оружие».

Тамаров добавил: «Они стали бы воевать».

«Да», — сказал Янов.

Тамаров заявил: «Я бы стал сражаться».

И Тамаров и Янов стали бы воевать за свою страну, но они не политики. В их обществе граждане не считают своей обязанностью активно участвовать в политике».

Тамаров объяснил: «Я не могу сказать, что я был напуган. Видите ли, мы привыкли к таким ситуациям. Я молод, сейчас я учусь и считаю, что каждый должен заниматься своими собственными делами. Я не участвую в политике. Я не политик».

Затем Тамаров отметил: «Видите ли, в те три дня у меня не было времени. Не было времени ходить по улицам и разговаривать с людьми. У меня было много дел. Я работаю. Я должен был делать эту работу, и кроме того, у меня были другие дела».

Я думаю, что я молод и не могу обсуждать будущее страны. Я думаю, что я сделал все, что мог. Я избрал Президента. Я проголосовал за Президента России. Я участвую в выборах депутатов. Это мой выбор в политике, выбор будущего моего государства».

Но я не могу пойти к Ельцину и сказать: «Мне не нравится, что Вы делаете». Я не могу сделать это, так как я молод. Он старше. Он больше знает о стране. Он политик. Вот почему я не могу так сказать. Это вопрос не для меня».

Перевод подготовила
Н. УСТИНОВА.
Дается в сокращении.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Аттестованы

В течение недели, с 7 по 15 октября, в Воронежском университете работала аттестационная комиссия. Корреспондент газеты «Воронежский университет» попросил заместителя председателя этой комиссии, профессора, проректора Ярославского государственного университета Валерия Анатольевича Соколова ответить на некоторые вопросы по результатам работы. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию это интервью.

— Какова цель аттестации вуза и какие требования к ней предъявляются?

— Во-первых, — оценка качества подготовки специалистов с университетским образованием.

— Во-вторых, — комплексный анализ учебно-методической работы, эффективности научной деятельности профессорско-преподавательского состава и состояния материально-технической базы вуза.

Аттестация призвана дать возможность коллективу вуза взглянуть на свою деятельность глазами независимой комиссии.

— И только? Выразится ли это в финансовой, материально-технической поддержке со стороны Госкомитета по науке и высшей школы РСФСР?

— Нет.

— Кто входил в состав комиссии, аттестовавшей Воронежский университет?

— Представители Санкт-Петербургского, Ярославского, Нижегородского, Кубанского

университетов, Саратовского экономического института, ряда вузов и учреждений г. Воронежа, Госинспекция вузов РСФСР. Это наиболее квалифицированные и опытные эксперты по тем специальностям, которые проходили аттестацию в ВГУ (проректоры, деканы, зав. кафедрами, доктора наук, профессора и доценты).

— В чем основные выводы аттестационной комиссии по специальностям ВГУ и университету в целом?

— По мнению экспертов — членов комиссии, все специальности Воронежского университета могут быть аттестованы, и, как следствие, и сам университет может быть рекомендован к аттестации.

— Каков, на Ваш взгляд, должна быть работа ректората, деканатов, кафедр в период после аттестации? К чему нужно стремиться?

— В период после аттестации работа ректората и всего коллектива университета должна быть направлена на устранение тех недостатков, которые отмечены в заключенных экспертами и в итоговой справке аттестационной комиссии, с тем, чтобы в ближайшем будущем Воронежский университет был бы в состоянии выйти на тот уровень, который соответствует аккредитованному вузу.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ВОРОНЕЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕКЛАМА

Объединение „Твое здоровье“ предлагает

сборник М. Шавляковского «Коммерческие игры»: «БРИДЖ», «ВИНТ», «ВИСТ», «БЕЗИК», «ПИКЕТ», «ПРЕФЕРАНС» (во всех видах).

В книгу вошли самые увлекательные, занимательные и самые разумные «коммерческие игры», ставшие общепринятыми во всех концах Европы.

Предложенные игры дают громадную пищу уму, прекрасную неумотворительную работу памяти, вырабатывают непременные требования расчетливости, находчивости и быстрой сообразительности.

Мы предлагаем вам полное собрание практических советов, законов и правил с приложением «карточной терминологии».

Для того чтобы получить книгу, необходимо перечислить простым почтовым переводом (телеграфные не принимаются) 7 руб. 50 коп. по адресу: 150003, г. Ярославль, р/с 468605 в областном управлении Жилсоцбанка г. Ярославля, МФО 28856, общественному объединению «Твое здоровье».

В левом нижнем углу перевода обязательно разборчиво пишите свой обратный адрес с индексом. Квитанцию сохраняйте у себя до получения заказа и ссылаетесь на ее номер при справках.

Справки по адресу: 150054, г. Ярославль, а/я 126. Объединение «Твое здоровье».

Я. О. Мотовиловкер, профессор, представитель либерально-философского течения в юриспруденции, автор многих статей и монографий по вопросам уголовного процесса, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ярославского государственного университета с 1972 по 1986 гг. — такими могут быть скупые строчки летописи Ярославского университета, которая, видимо, рано или поздно будет написана.

Для нас же, его учеников, имя Якова Осеевича означает гораздо большее, оно означает имя нашего Учителя.

Каким он был наш Учитель? Как ни странно, но именно сейчас мы ощущаем его влияние на нас. Он не учил нас, мы учились у него, более того, продолжаем учиться. Он никогда не называл нас своими учениками. Мы называли и называем его своим Учителем. Он был и останется для нас таким, ибо известно: не тот учитель, кто учит нас, а тот, у кого мы учимся.

Нас, его учеников, насчитывается 9: Б. М. Тавровский (адвокат Центральной юридической консультации г. Ярославля), М. А. Воробейников (ныне доцент Гродненского университета), В. Н. Савинов (и. о. зав. кафедрой ЯргУ), Р. Н. Ласточкина (доцент ЯргУ), Е. Б. Мизулина (ст. научный сотрудник ЯТПИ), П. Е.

Поэтому Яков Осеевич стал практиковать коллективные встречи, организуемые им в виде диспутов, бесед, получивших название аспирантских сред, ибо происходили они по средам.

С самого начала Яков Осеевич предъявлял к нам очень высокие требования, можно сказать, рассматривал нас как равных себе. Его основной тезис гласил: каждый день не менее 2-х часов необходимо отдавать занятиям наукой.

Важна система в работе, не уставал он нам повторять, требуя от нас ежедневно представлять результаты своей работы. Помнится, что он даже пытался ввести письменные еженедельные отчеты, но мы выказали сопротивление, и инициатива не удалась. Надо сказать, что Яков Осеевич очень ценил организацию работы, дисциплинированность, четкость, и не прощал необязательности и расхлябанности. Требовательный к себе, он оставался таковым и по отношению к нам.

Помню, вспоминает Е. Б. Мизулина, я закончила одну из глав диссертации. Было это накануне майских праздников. Постыла точку, я с облегчением вздохнула, подумав, что наконец-то Учитель будет доволен. Когда я передала ему статью, а было это 1 Мая, он спросил меня: «Над чем

Слово о нашем Учителе

— ПОСВЯЩАЕТСЯ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА Я. О. МОТОВИЛОВКЕРА

ОЧЕРК

нас формулировать написанное в виде 2—3 кратких и логически взаимосвязанных тезисов. При этом он совершенно справедливо полагал, что автор должен видеть свою будущую, и тем более уже написанную, статью, целиком и уметь транслировать ее смыслы кратко и доступно для понимания всех, а не только его самого.

Когда дискуссия обрела особо острый оборот, вдруг выплывали сильные и убедительные аргументы, его глаза загорались особым блеском. Этот блеск можно было потом наблюдать неоднократно. Однако, заметить его могли только те, кто работал с ним (или общался) постоянно. Яков Осеевич буквально превращался на глазах, становясь держим юной всякий раз, когда взвешивалась и начинала обретать самостоятельность чья-то неожиданно интересная мысль. До сих пор затрудняемся сказать, происходило ли это потому, что Яков Осеевич вдруг «выныривал» из глубины своих мыслей к нам, или мы удачно попадали в их поток. В обычном же своем состоянии Яков Осеевич был: очень сдержанным, невозмутимым и даже несколько отстраненным, так что создавалось впечатление, будто он старается держаться в стороне.

Конечно, когда мы были аспирантами, такая отстраненность нам была совсем понятна. Но сегодня, когда мы имеем достаточно большую школу «скитаний» в дебрях научных мыслей, мы понимаем, что такое глубокое включение в научную проблему, являющуюся для Якова Осеевича в тот или иной момент актуальной, и придавало его поведению специфический налет отстраненности. Можно сказать, что он фактически никогда не выключался из собственной мыслительной сферы, в ней протекала вся его жизнь. Он постоянно был погружен в нее: и тогда, когда сидел за столом, и когда шел на кафедру, и, смею утверждать, даже тогда, когда читал лекции студентам. Самим собой, то есть ученым, пытающимся приоткрыть святую тайну научной истины, он, пожалуй, был только с нами (во всяком случае, нам очень бы хотелось думать именно так), ибо мог открыто обсуждать то, что тайно волновало его.

Учитель казался нам чересчур требовательным научным руководителем. Мы видели другие примеры работы с аспирантами. По традиции взаимоотношения аспирантов и научных руководителей складывались таким образом: об аспиранте вспоминали либо тогда, когда требовался отчет о его работе за год, либо когда требовалось послать кого-либо в колхоз со студентами. У нас же система взаимоотношений была принципиально иной. Мы постоянно (а не раз в году) были должны: раздел, статью и т. д. Мы писали и переписывали, как нам казалось, бесчисленное множество раз. Позднее мы не раз оценили такую практику работы с аспирантами. Сами того не замечая, мы учились шлифовать, очищать свои мысли. Эта привычка позднее очень пригодилась нам. Сегодня прочтение и трансформация собственных текстов не 3—4, а 13—14 раз для большинства из нас, тогдашних аспирантов,

— норма, а не исключение. Каждый из нас знает: для того, чтобы получить 1 страницу квалифицированного текста, требуется не менее 10 страниц черновика.

В известном смысле можно сравнить ту школу работы с текстами, которую мы прошли у Якова Осеевича, со школой глоссаторов, имевшей место в Болонье в 12 в. Главным предметом изучения глоссаторов являлись дигесты. Снабжая последние глоссами (или толкованиями) и тем перелегая римское право на язык своего времени, очищая его от противоречий и бессмысленных повторов, глоссаторы обеспечили рецепцию и подлинное возрождение римского права практически во всех правовых системах Европы. Подобно глоссаторам, обучавшимся правильному чтению правовых текстов, мы учились работать с процессуальными текстами, анализируя их содержание, вскрывая аллюзии, обнаруживая парадоксы. При этом Яков Осеевич не руководил нами в буквальном смысле слова, он лишь вовлекал нас в то, чем занимался сам.

Вспоминается, как сам Яков Осеевич относился к составлению тезисов. Даже письма он рассматривал для себя как серьезную работу и относился к ней с осязательной ответственностью. Его тексты отличались лаконичностью и внутренней логикой. Общая их структура, как правило, была такой: позиция или тезис, который он собирался доказать или опровергнуть, а затем разворачивание этого тезиса, выявление возможных смыслов, используемых понятий, их сочленение друг с другом. Следует заметить, что язык Якова Осеевича был безупречен. Даже в разговорной речи он не допускал употребления «лишних» слов или тем более неправильного их произношения. Будучи выходцем из Западной Украины (родился в 1910 г. в Рознянской области), Яков Осеевич окончил в 1936 г. юридический факультет Варшавского университета. Отсюда, в частности, — совершенное знание им польского языка. Владея в совершенстве несколькими языками, Яков Осеевич мог судить об этимологии слова, а через это, выворачивать истинные смыслы тех или иных понятий, казавшихся простыми и очевидными. Не случайно его работы (а их около 200) пользуются особой популярностью в процессуальной среде, ибо они безупречны как в логическом, так и в филологическом смысле. К сожалению, ни одна из его монографий (а их около 10) не была опубликована в гонимых издательствах. Все они опубликованы в издательствах университетов. Объясняется этот факт вовсе не тем, что монографии несовершенно или некачественны, а тем, что Яков Осеевича менее всего интересовала материальная сторона научной деятельности. Он рассматривал науку как смысл своей жизни, а не средство доставления материального благополучия, поэтому предпочитал экономить время (которого для помещения монографии в гонимое издательство требовалось, конечно, больше) для занятий наукой, нежели деньгами. Однако, вряд ли можно привести какой-либо другой пример ученого, спектр научных интересов которого был бы столь же широк, что и у Яко-

ва Осеевича, а работы которого отличались бы такой же глубокой эрудицией автора и изяществом стиля.

Кстати, находясь в условиях крайне политизированной науки, для которой личность отдельного человека была ничто, Яков Осеевич сумел сохранить для себя иную рамку, непolitизированной юриспруденции. Только настоящий ученый мог позволить себе обсуждать уголовно-процессуальную сферу как сферу, а которой живет и действует прежде всего невинный человек, а не партия, класс, государство. Надо отдать должное, что благодаря этому его свойства и на своих аспирантских средах мы не обсуждали вопросы классности и партийности в уголовно-процессуальной науке, от нас на требовали обильных цитат и ссылок на материалы съездов, планов, классические источники. Зато вопросы философии, логики познания, в том числе уголовно-процессуального, — составляли основу нашей совместной деятельности.

Запомнилось нам и его участие в научных обсуждениях, оппонировании по диссертациям. Обычно он сидел во время таких обсуждений молча, сложив руки, полускрыв глаза, и ничего при этом не записывал. Казалось, все, что происходит вокруг, его не касается. Однако, это было только видимостью. Как только он начинал говорить, становилось очевидным, что он не только внимательно выслушал каждого выступающего и почти дословно может воспроизвести их речи, но и выстроил (заметьте, мысленно) систему контрдоводов. Так обстояло дело и на обсуждении его последней монографии «Основной вопрос уголовного дела». Тогда было высказано столько аргументированных и убедительных замечаний, что казалось Якову Осеевичу остаться только признаться «ах». Когда же слово было предоставлено ему, то мы имели возможность с восхищением наблюдать, как последовательно и молниеносно рассылал он систему контраргументов, дотле казавшихся непоколебимыми.

Это его искусство — критика и оратория — было непревзойденным.

Наш Учитель не любил пустых дифирамбов, смущал, когда слышал комплименты в свой адрес. Лучшим признанием своих заслуг как Учителя, он считал наши опубликованные статьи, книги и монографии. Об этом он постоянно напоминал нам.

Больше всего на свете он ценил научную истину, и завещал эту ценность нам, своим ученикам. И хотя прошел год как его нет с нами, для нас он навеки остается Учителем, вопрошающим: Над чем Вы сейчас работаете? Вопрос этот уже не повисает в воздухе, он имеет реальный ответ — в научной деятельности, осуществляемой Школой Якова Осеевича, основания и последующее неизбежное развитие которой было заложено им самим. Школа Якова Осеевича не прекратила своего существования со смертью своего основателя. Напротив, через учеников своих Учитель обрета-ет бессмертие.

Е. МИЗУЛИНА,
Р. ЛАСТОЧКИНА.

Кондратов (ведущий специалист Комитета конституционного надзора), Е. А. Благое (доцент ЯргУ) и Т. А. Москитина (преподаватель ЯргУ), Л. В. Лобанова (доцент Волгоградского университета).

Многолетнее общение с Яковом Осеевичем, как с преподавателем, ученым, заведующим кафедрой, просто человеком, позволяет нам утверждать, что та сторона его личности, в которой он проявлял себя как научный руководитель, как Учителя, мало кому известна, кроме его учеников. Для всех, да и для нас до того, как мы стали его аспирантами (учениками), он был достаточно сдержанным, деловитым, может быть, даже несколько странным и чуть навязчивым, открывающим порой для себя общезвестные истины. Для нас же он был другим: асознающим, мудрым, и чересчур, как нам казалось тогда, требовательным, а самое главное, фанатически преданным уголовно-процессуальной науке.

Так получилось, что в аспирантуре у Якова Осеевича в 80-х годах нас оказалось сразу четверо: Р. Н. Ласточкина, Е. Б. Мизулина, Е. В. Благое и Т. А. Москитина.

Вы сейчас работаете? Я не растерялся и сказала: Над следующей главой. Конечно, ни над какой другой главой я тогда не работала, ибо полагала, что заслужила отдых хотя бы в эти праздничные дни. Однако, любой другой мой ответ попросту не был бы понят Яковом Осеевичем, ибо для него деления на праздники и будни, работу и отдых не существовало, впрочем как не существует оно сегодня и для нас. Для него его работа была и праздником, и отдыхом, и буднями, и адским трудом.

По средам мы собирались у него дома и обсуждали написанное нами, им, либо какие-то вновь вышедшие монографии и статьи других авторов. Во время этих аспирантских сред собственно и шло наше становление как ученых, отработавшаяся метод ведения дискуссий, умение правильно ставить вопросы и отвечать на них, анализировать процессуальные тексты. Конечно, сам Яков Осеевич в этом плане являл собой непревзойденный образец.

Выслушав наши отчеты о том, что мы написали за неделю и что планируем написать в следующую, он учил

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Торжествующая МЫСЛЬ

(Проза без конца или поток сознания солдата, стареющего на пути к демобилизации)

«Вот все, во давай, — задачу поставили и я начал.
«Дожили...»
«Мысль изреченная есть ложь. ...изреченная еще ничего, а вот записанная... И ложь ее растет день ото дня».

По поводу названия:
— Да... Стали на путь торжества мысли и сразу же начали с пояснительно-уничижительных уточнений. С конкретизации, так сказать. Кстати, о конкретизации: исходя из правдивости жизни всегда следует привязывать человека к какому-то событию, обстоятельству, в котором бы этот человек раскрылся и себя проявил в некотором качестве. И уж потом, на основании этого качества, можно смело навесить на индивида характеризующую табличку и оскорбить его рассуждением «ва-а-ще».

Здесь всегда будет иметь место парадокс: с одной стороны — это самое «ва-а-ще» — рассуждение, пользуясь которым, мы утверждаем, как А будет себя вести, если его методично принуждать самостать. С другой: его самостать или несамостать и вытекающая из этого характеристика.

Сходным образом обстоит дело с искусством и публицистикой. Публицистика конкретна и определенно борется с определенным злом. Искусство ставит себе задачу разобраться со всем злом сразу. Но ведь еще и так, чтоб указать более-менее конкретные пути борьбы со злом, тоже конкретным. Может быть, потому, что идея окончательной победы утопична, утопичны и те сверхметоды, которые предлагают нам художники. О, катарсис! О, свобода воли! Искусство: через эмоцию и рассудку (разум — рассудок, эмоцией оплодотворенный).

Эмоция — всегда некоторое потрясение, вытекающее из внешнего обстоятельства. Если учесть, что надо довольно несовершенного человека разом перестроить на добро, придется признать, что потрясение должно быть очень сильным, сродни помешательству. А это ли уже не насилие над человеческой природой, над личностью?

Что есть личность и ее человеческая природа? Опустим, слишком сложно.

Способы насилия бывают разные, наверное, самые страшные — незаметные, когда человек вроде бы и сам за себя решает, но это не так! (никогда не любил «педагогика» и «психология»). К педагогике и психологии (уже без кавычек) надо относиться с ба-а-льшой осторожностью, но тогда и ко всему вообще надо относиться так же. Ведь любое обстоятельство можно рассмотреть как насилие, ведущее к несвободе! А «душемера» все нет! И легко признать: «Я в себе», а коллектив — несободой. И как раз конец света не так далеко и неизбежностью культа попахивает, и смерть высшим актом освобождения представляется (по Достоевскому)... Смотри 2-й эпиграф...

...Нет, жить во многих отношениях лучше. Хотя человек и не самый глазный, так как он — актер, режиссер — кто-то другой. Индивид, играющий актера — уже трижды актер. А актеров нужно называть имитаторами, потому что на самом деле жить в картонном сценическом домике нельзя, хоть из штанов выпрыгнешь. А если кто-то скажет, что он над каждой сорванной травинкой готов плакать как над своим ребенком, то он — циник или психический больной (как мы его!). Ибо уже мы писали, что эмоция вызывается чем-то внешним (хотя механизм, конечно, гораздо сложнее и ответное действие никак не исключает).

ет!). Если поймем явную возможность существования сверхчеловека, который законченно автономен, сам себе создает условия для возникновения надобной ему самочувственности, это выйдет какой-то нечеловечный человек и, разумеется, психически больной (!).

Одному актеру я на днях хотел сказать: «Командно-административные методы управления не оправдали себя в экономике, а вы ими беретесь морально-политические (а не политико-моральные!) вопросы решать». Но не сказал... Уж если, как выяснилось, властью Советов не пахло дома, то искать ее в гостях... А демократии все же хочется. И хотя устав — это закон, а закон всегда отстаёт и не справедлив, он — золотая середина (хотя и не всегда, но везде и не во всем!).

Да здравствует Устав!
...Последний мозок лег на чувственно блестящую поверхность. И кто это завел моду личные гаражи в паленой степи белой эмалью красить...

— Надыхался, токсикоман...! — ласково спросили над ухом. Над ухом как на духу стоял лейтенант Хрен и счастливо улыбался.

— Да, есть чуть-чуть, — с плохо скрываемым достоинством отозвался задумавшийся боец.

— У тебя, это, деньги есть? — с суровой озобоченностью спросил лейтенант.

— Вообще-то нет.
— Ты, наверное, в городскую столовую хочешь. Я могу занять тебе денег.

Стало неловко.
— Да нет, я лучше в казарму пойду, со всеми пообедаю.

— Ну, как хочешь. Спасибо тебе за помощь.
— Да не за что. (НУ И СКУПЕРДЯЙ). (НУ И... (непечатно)).

Эмалью уже не пахло, но мысль продолжала торжествовать. «Вот не покорился, а мог бы. А я, значит, — жертва его волеизъявления (непечатно). Он — мог бы, а я — нет. Ан нет! Вот мог я все это записать, а мог и нет, но...».

Вот все, вот законспектировал, потому что...
М. АНАТОЛЬЕВ.
АВГУСТ 1988 г.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ГОЛОСА

Е. КАПИТАНОВ

Ополоумевшей России

Ты не подарок. Я — тем более.
Но между нами тем не менее
Процессы в чем-то алкогольные
И праздник стихосотворения.

Твоей дремучей необъятностью
Возмущена моя фантазия.
Вскипает новой неприятностью
Полу-Европа, полу-Азия.

Бурлит во мне извечно-пьяная
Россия с глупыми вопросами.
«Что делать?» Заросли бурьянами
Ее поля. Пройдемся косами.

Пройдемся саблями и танками,
Уничтожая всех вредителей.
«Кто виноват!» Мы за атаками,
Похоже, многого не видели:

Людей. Взаимопонимания.
Терпимости. Культуры. Веры.
Плодила наша аномалия
Диктаторов или химеры.

Народ — объект для надругательства,
Измученный монаршей волею,
То правит дурь, то — обстоятельством.
Я — не подарок. Ты — тем более!

На жизнь хватает. Больше нам не надо —
Кусочек рая и глоточек ада.

В. СУББОТИН

«Может быть...»

Когда-нибудь... Лет, может, через сто...
А, может быть, уже через полвека,
Какой-нибудь правитель скажет, что:
«Мы жили в культ апрельского, но, снега!»

Что пережили страшный снегопад
И попытались что-то сделать хором.
Но несмотря на доблесть и азарт
Наш снег лежать остался под забором.

Что перестройка — это только март,
Ну, середина, может быть, апреля,
Что век XX наш — вообще фальшстарт
И пятница восьмая на неделе.

Но, что прожили, может быть, не зря,
Хоть и блуждали в сетях реформаций

Частенько успеваю за полдня
На пятилетку впрямь наошибаться.

Но Мы ошибок их не повторим
И жизнь свою устроим так, как надо,
И наша жизнь наградой будет им —
Посмертной, наивысшей наградой.
Уже открыт истории архив
И наше поколение по праву
Отпустит, может быть, все их грехи,
Рожденные разнообразьем нравов.

Когда-нибудь, лет, может, через сто,
А может быть, и раньше, как придется,
Найдется тот, кто выровняет все!

Быть может...Если Сам не ошибется.

А. ЕРШОВ

Хризантемы

Белоснежные комочки —
Хризантемы — на столе.
Стебли их возносят к небу,
Преломляясь в хрустале.

Отделенные от жизни,
Увядают и молчат,
Эти белых три комочка
Тайну вечную хранят...

Маковки высушенной пижмы
Снегом присыпаны ровню.
Сосны, нарядно одевшись,
Тихо стоят хоромом.

Солнце в лазоревом небе —
Свет разливает свой яркий.
Воздух морозный, прозрачный
Солнечный блеск дополняет.

Губы в улыбке счастливой,
Сердце безудержно бьется.
Зимнее, чудное утро...
Господи! Как же я счастлива...

РАССКАЗ-ПРИТЧА

Концептуальное — в степи

Это было одно из тех видений, которые приходят за сигаретой, в уединении; в минуту душевного покоя. Мне не зачем было насилывать мозги — оно само пришло, увиделось, услышалось...

Степь уже отцвела, но не успела выгореть. Солнце как будто собирается заходить, но продолжает палиться единственным бельмом на волнующие ветром пестрые травы. За одиноком столиком с навесом сидит, обложившись книгами и рукописями, человек лет тридцати шести с солидной бородкой, слегка выгоревшей, в приятном светлосером костюме и очках. Неподалеку от него остановилась, видимо после долгого пути, группа людей с кайдами

и молотами. Их рабочие штаны просторны, рубахи с закатанными рукавами клетчатые, в них дышит не раз опробованная сила. Пока остальные устраиваются на отдых, перебрасываясь шутками и громко смеясь, один из них, с красной повязкой выше локтя, направляется к сидящему за столом. Тот поднимает глубокомысленные глаза в очках.

— Ты кто?

— Я — бригадир ударников.

— В каком смысле?

— А мы с ребятами по чему угодно ударим: по бесконечности, по кадрам, по алкоголизму... А вы кто?

— Я ищу смысл жизни.

— И как, нашли что-нибудь?

— Это очень сложно, а может, и невозможно.

— Так, стало быть, искатель. Слушай! А ведь мы можем сработать: ты будешь искать, а мы — ударять.

— Нет. Не получится.

— Ну ладно. А то, если найдешь, только самости, — уж мы по нему ударим!

Человек за столом некоторое время смотрит на удаляющихся ударников, а потом принимается за работу. Степь...

М. СЛАВИНСКИЙ.

Декабрь 1991 г.